
Дарвин и Чехов

Дарвинизм и расизм в отражении чеховского творчества, июнь 1944 (прочитан в МГУ в «Чеховские дни» в 1954)

Александр Федорович Котс

«Мать всех российских зол — это грубое невежество..»

— Чехов. Письма. Т. II. стр. 421.

Посвящается с чувством глубочайшего уважения Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, светлой спутнице жизни гениального писателя.

Светлой памяти большого, светлого ума и чуткого, большого сердца Антона Павловича Чехова

Приступая к своему докладу, посвященному двум гениям пера и мысли, я начну с отвода двух возможных возражений, двух воображаемых упреков.

Так естественно спросить: Что общего между «Происхождением Видов» Чарльза Дарвина и «Пестрыми Рассказами» Антона Чехова?

И далее, что общего между творениями обоих и переживаемым временем?

Не предрешая полного ответа на вопросы, ограничимся сейчас лишь парой справок.

Ровно **сто** лет тому назад, в Июле 1844 года **Чарльзом Дарвиным** закончен был подробный абрис будущего знаменитого его труда (5.VII.1844).

Сорок лет тому назад, 15 июля 1904 года, закатилась жизнь Антона Павловича **Чехова**.

Столетие первичной обработки гениального труда великого английского ученого и **сорок** лет со дня кончины нашего великого писателя.

Не предрешая связи этих дат или имен по существу (ибо в раскрытии ее и заключается задача моего доклада...) обратимся к третьей дате, — грозно-героической.

Прошло **три** года с того дня, как мысль ученого и меч бойца сроднились для защиты **Родины**.

За это долгое трехлетие содружества меча и мысли мы впервые в полной мере осознали величавую простую истину:

«**Войну, как, пробный камень значимости мирного труда**»

Не оправдайся моя тема в дни войны — не оправдал бы я ее в эпоху мира.

Только заручившись этой общей установкой я позволю себе обратиться к моему докладу.

Перед нами два больших и с виду нелегко сопоставимых имени — **Дарвин и Чехов**.

Современники друг другу лишь на протяжении немногих лет, один — в зените мировой известности, другой — лишь на пороге творчества, они, конечно, исключали всякую возможность личного взаимного влияния.

Но даже о влиянии косвенном английского биолога на Чехова в годы его студенчества нет ясных указаний, потому ли, что за время пребывания **Чехова** в Московском Университете курсов Дарвинизма не читалось, потому ли, что попутные упоминания о Дарвине с отдельных кафедр не оставляли длительного впечатления.

Как бы то ни было, но первый и по существу последний раз находим мы упоминание о Дарвине только в одном из писем **Чехова**, в бытность его уже врачом (1886, Письма том II, стр.)

— «Читаю Дарвина. Какая роскошь! Я его ужасно люблю!»

И только.

Это более, чем скудное упоминание о Дарвинизме в переписке **Чехова** — не удивительно: Корреспондирю по преимуществу с литературным миром **Чехов** не имел причины останавливаться в своих письмах на естественно-научных книгах, попадавших ему в руки.

И тем более достойно быть отмеченным не только увлечение **Чехова** теорией великого английского биолога, но и знакомство с рядом искажений Дарвинизма, тех «дарвинистических гримас», которые полвека позже создали угрозу для культуры мира.

Возвратимся мысленно назад за целые полвека и попробуем эскизно очертить позицию двух областей научной мысли, Дарвинизма и Социологии, в попытках механического их соединения.

Руководящие идеи этого движения — применение принципов Дарвинизма к пониманию развития людского общества — еще таились временно в умах и лишь немногих книгах «социал-биологов и дарвинистов». Главный орган этого предательского синтеза («Архив фюр Расс н-унд Гезелльшафтс-Биологи») еще не появлялся, популярные издания типа «Фишер-Ленца» не успели отравить широких масс и злобный гений своей родины, апологет апофеоза грубой силы, автор «По ту сторону Добра и Зла», певец неравенства, неравноправия народов, вдохновитель будущих фашистов, **Фридрих Ницше**, догорал во мраке параличного безумия...

Полвека, столетие тому назад отравленные семена «Расизма», эти подлинно «драконовые зубы» не успели дать своих преступных всходов, исподволь готовясь к ядовитой жатве, о которой и не грезились ее былым виновникам...

И вот, в такую пору, когда мысли о сведении законов социальной жизни к нормам дарвинизма, лишь едва пускали ядовитые свои ростки и корни, — сочной кистью **Чехова** набросана картинка, мастерски изображающая грустный облик «социал-биолога», пародию на дарвиниста в захолустной и глухой усадьбе..

— «Как хотите» — говорит герой рассказа (под заглавием «**В Усадьбе**») — «с точки зрения братства, равенства и проч. свинопас Митька, пожалуй, такой же человек, как **Гете** или **Фридрих Великий**;» — но станьте на научную почву, имейте мужество взглянуть фактам прямо в лицо, и для Вас станет очевидным, что белая кость — не предрассудок, не бабья выдумка. Белая кость — дорогой мой — имеет естественно-историческое оправдание и отрицать ее, по моему, так же странно, как отрицать рога у оленя.

Надо считаться с фактами. Вы — юрист и не вкусили никаких других наук, кроме гуманитарных и вы еще можете обольщать себя иллюзиями насчет равенства, братства и проч.

— «Я же — неисправимый дарвинист, и для меня такие слова, как порода, аристократизм, благородная кровь — не пустые звуки.»

«Благодаря строгому половому подбору, тому, что... знатные молодые люди не женились черт знает на ком, высокие душевные качества передавались из поколения в поколение во всей их чистоте...»

«Да, батенька мой! Не чумазый, не кухаркин сын, дал нам литературу, науку, искусство, право, понятие о чести, долге...»

«Всем этим человечество обязано исключительно белой кости и в этом смысле, с точки зрения естественно-исторической, плохой Собакевич, только потому, что он белая кость, полезнее и выше, чем самый лучший купец, хотя бы этот последний построил пятнадцать музеев»....

Продолжать эти цитаты незачем, как и описывать итог этой досужей болтовни: отъезд обиженного собеседника и углубление семейной неурядицы.

Конечно, будь этот последний более находчив или образован, он сумел бы привести в опровержение не одно, а сотни замечательных имен, творцов непреходящих ценностей культуры от **Крамского**, **Левитана** и до **Ломоносова** и **Фарадея**.

Или мы не знаем бывших подлинных «подпасков», ставших в первые ряды творцов науки, на глазах у нас разоблачившей бредовые измышления о «белой» и о «черной» кости.

Будто в родословной величайшего нашего поэта не струилась примесь крови Африки, а у Жуковского — кровь матери-турчанки...

Более того. Вся вопиющая нелепость применения к проблеме человеческого гения приемов разведения породистых собак и лошадей, нигде не выступает так наглядно как на имени, упоминаемом самим героем разбираемой повести.

Как ни обидно тратить время на опровержение абсурдов и на констатацию труизмов — остановимся на родословной **Гете** для опровержения «расистов» их же собственным оружием.

Напомним:

Ганс Кристиан Гете — Прадед великого поэта — занимался ковкой лошадей, был кузнецом.

Дед поэта — **Фридрих-Георг Гете** — был портным, позднее, после брака с дочерью портного и вдовой трактирщика — сам стал заведовать трактиром.

Отец поэта — **Иоганн, Каспар Гете**, вышедший всецело из среды портных (по матери и по отцу) был первым в роде, получившим высшее образование (юриста), чин «Советника» и в звании такового право породниться с аристократической семьей.

Теперь попробуйте определить «состав кровей» и «цвет костей» («белой» по матери и «черной» по отцу) великого творца «**Эгмонта**», «**Ифигении**» и «**Фауста**»!

Стоя на позиции — Рашевича — (горе-героя разбираемой повести) — его апофеоза «Белой Кости» следовало бы ожидать, что сам этот апологет ее воздерживался от «брака черт знает с кем» как это допустила в своем браке легкомысленно и безрассудно матушка великого поэта!

И перефразируя едкую шутку, брошенную однажды Владимиром Соловьевым, следовало бы ожидать, что именно потомство «чистокровного» Рашевича подарит мировой культуре не бесцветную пару институток, но по меньшей мере дарования **Жорж-Занд** и **Лебрен**ов, или, — при рождении мальчиков, — по меньшей мере дарования диапазона **Чехова**.

На деле, как мы знаем, не **Рашевич** с его «белой костью» породил Антона **Чехова**, а **Чехов**, сын и внук бывшего крепостного¹, — породил **Рашевича** и целую плеяду замечательных литературных типов, образов, картин, идей, навеки обеспечивших за **Чеховым** одно из первых мест в родной литературе.

Но не в этом дело, а лишь в том, с каким тончайшим юмором сам **Чехов** высмеял эту им выведенную фигуру «социал-биолога» и «горе-дарвиниста», а на деле безответственного самодура и невежды, смело и уверенно решающего социальные проблемы на основе дилетантских знаний и сословных предрассудков.

На примере незадачливого болтуна Рашевича, этой пародии на дарвиниста, **Чехов** саркастически и метко вывел старого интеллигента, ухватившего когда-то и с налета несколько чужих и мнимо-модных взглядов и всю жизнь продолжающего их долбить, жевать и бормотать, по своей глупости не допуская мысли, что воззрения эти могут быть ошибочны.

И если в целом этот образ доморощенного социал-биолога в нас вызывает только чувство юмора, или иронии, то только потому, что празднословие его вполне безвредно.

Но вообразите те же рассуждения о «белой» и о «черной» кости не в устах безвольного профана, но среди людей, имеющих влияние и силу и оценка этих рассуждений сложится совсем иначе, как симптом губи-

¹ «Мой дед и отец были крепостными у Черткова» (Письма, IV. 298)

тельной духовной язвы и общественной саркомы, на глазах у нас содействовавшей одичанию народа **Лессинга**, — создателя «Натана Мудрого» — этого символа духовной равноправности народов.

К счастью и гордости страны **Толстого** русская наука не вообразима в роли цитадели и защитницы сословно-расовых достоинств или преимуществ. Ядовитое учение о сословно-расовой неравноценности людей по самой сущности глубоко чуждо нравственному чувству русского ученого, достойного этого имени.

Вот почему можно заранее сказать, что «социал-биолога», «лже-дарвиниста» в звании профессора или доцента, мы напрасно стали бы искать в стенах российских университетов на исходе прошлого столетия.

И не случайно тип «академического био-социолога» представлен **Чеховым** вне университетских стен и корпораций, именно в лице ученого зоолога фон- **Корена**, как одного из действующих лиц в прекрасном Чеховском рассказе, именуемом «**Дуэлью**».

Обратимся же к разбору этого единственного в своем роде типа, равно поучительного, как в историко-культурном отношении, так и для иллюстрации непревзойденной наблюдательности **Чехова**, как знатока людей и тонкого психолога.

Начнем с самой фамилии нашего героя.

Можно было бы спросить: Зачем эта не русская фамилия?

Казалось бы, что всего проще объяснить ее «случайностью». Известно, что толчком к созданию образа фон-**Корена** было знакомство **Чехова** с зоологом Владимиром Александровичем Вагнером, когда-то проводившим одно лето вместе с Чеховым в одной усадьбе (в 1891 году) близ города Алексина.

В одном из писем **Чехова** (Письма, т. II, стр. 276) встречается характерное высказывание по поводу фамилии его героя:

— «Фон-Корен — пусть остается фон-Кореном. Изобилие Вагнеров, Брандт, Фаусеки и проч. отрицают русское имя в зоологии, хотя все они русские. Впрочем есть Ковалевский. Кстати русская жизнь теперь так перепуталась, что всякая фамилия годится...»

Повторяем: повседневное общение с **Вагнером** могло внушить писателю нерусскую фамилию для своего героя.

Интуитивно, как художник, наш писатель чувствовал, насколько чисто-русскому уму **не** свойственно ригористическое преклонение перед «Биологической системой».

Назови писатель своего героя не фон-**Кореном**, но «Кореневым», или «Коренковым», или «Киселевым» (именем художника-пейзажиста, проводившего одновременно с Вагнером лето в усадьбе, видевшей писание «Дуэли»...) и герой рассказа потерял бы в жизненной своей правдивости...

Но обратимся к рассмотрению образа фон-**Корена** по существу.

Рассмотрим нашего героя с **четырёх** различных точек зрения: как дарвиниста, человека, социолога и «био-социолога».

Начнем с фон-**Корена** — зоолога. Как таковой он мало интересен и в широкой мере недосказан.

Приезжает он в безызвестный черноморский городок для изучения «Развития Медуз», обдумывая в то же время планы экспедиции, достойные Пржевальского.

В беседе со своим невольным слушателем фон-**Корен** освещает биологию зверей и птиц, как убежденный дарвинист, уверенный, что истребляются в природе, гибнут в жизненной борьбе лишь непригодные, неприспособленные к жизни.

— «Если из „Дуэли“ выбросить зоологические разговоры — то не станет ли она от этого живее?» спрашивает **Чехов** в одном из своих писем... И, как будто не без основания, поскольку сам фон-**Корен** занимает нас не в качестве зоолога, но как натуралист, пытающийся строить свои взгляды на природу человеческого общества, всецело опираясь на позиции естествознания.

Однако, наперед два слова о фон-**Корене**, как человеке. Лично, персонально он располагает сильным, волевым характером.

«Надо работать. Так — нельзя!» — Это Пастеровское «Il faut travailler!» звучит упорным лейтмотивом в репликах и рассуждениях нашего зоолога, особенно на фоне окружающих его людей и в частности в его беседах с молодым и симпатичным дьяконом, отчасти выполняющим в рассказе роль «Полония», отчасти должность «греческого хора».

На вздыхания рясофорного «Полония» по поводу жары или отсутствия жены фон-**Корен** менторски внушает:

— «Все — это вздор. И к жаре можно привыкнуть и без дьяконицы можно привыкнуть. Не следует баловать себя. Надо себя в руках держать...»

Таким же образом, на колебания дьякона принять участие в полярной экспедиции, задуманной фон-**Кореном** и ссылки на семейные препятствия и затруднения — дьякон получает радикальные совет и утешение:

— «Дьяконица Вас отпустит. Мы ее обеспечим. Еще лучше, если бы Вы убедили ее, для общей пользы постричься в монахини. Это дало бы вам возможность самому постричься и поехать в экспедицию иеромонахом. Я могу вам устроить это дело!...»

Безусловное, безоговорочное подчинение личной жизни службе и служению идеи ярко выделяет властную фигуру этого зоологического «**Брандта**» в окружении апатичных и безвольных персонажей повести, и, в частности его идейно-внутреннего антипода, неудачника **Лаевского**.

Порою кажется, что именно на этом образе **Лаевского** писатель сконцентрировал все те упреки или жалобы на русскую интеллигенцию, которыми богаты Чеховские письма:

— «Я не верю» — признается **Чехов** — «в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее недр...» (Письма, том V, стр.352)

Или, еще более уничтожающе в другом письме (II—450)

— «Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая уныла, бесцветна... которая брюзжит охотно и отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать... И это в силу того, что жизнь не имеет смысла».

И сопоставляя эти злые реплики с литературным образом **Лаевского**, нам чудится, что за безвольной, вялой и всеотрицающей фигурой этого последнего стоит все та же прежняя российская интеллигенция, а в беспощадных отзывах о ней фон-**Корена** — бичующий сарказм **Чехова**.

Достаточно напомнить реплику, которую фон-**Корен** заключает свою первую характеристику **Лаевского**:

— «Рыться под цивилизацию, под авторитеты, под чужой алтарь, брызгать грязью, шутовски подмигивать на них только для того, чтобы оправдать свою хилость и нравственную убогость, может только очень самолюбивое, низкое и гнусное животное...»

За вычетом последнего, зоологического выражения (подсказанного, может быть, профессией зоолога...) вся приведенная здесь реплика фон-**Корена** — его законное и неотъемлемое право, как ученого, как гражданина и как социолога.

Можно, конечно, сомневаться, в какой мере брань по адресу бездельника способна приобщить его к началам трудолюбия: кипучая энергия фон-**Корена**, даваемый им живой пример, куда действительно всех его горячих, негодующих речей.

И все же называть бездельника именно этим именем — есть только констатирование факта. В этом смысле мнение фон-**Корена** всецело совпадает с таковым стоящего за ним и говорящего его устами **Чехова**.

Но дело коренным путем меняется, коль скоро мы от негодующего социолога и человека перейдем к фон-Корену, как «Био-социологу», его попытке оправдать свои воззрения на людей и общество цитатами из Дарвина.

— «Я зоолог, или социолог, что одно и то же» говорит фон- **Корен**, не подозревая, что в смешении этих двух понятий коренится роковой источник всех его ошибок.

В самом деле. Не в пример целому ряду дисциплин, возникших через сочетание смежных ареалов знания (Био-Химия и Зоопсихология, Физическая Химия и Астрофизика) — попытка **механического** сочетания **Дарвина** и **Конта** оказалось роковой в истории науки.

И причины этому двоякие:

- a. **Несравнимость качественная** законов, управляющих животным миром и законов человеческого общества.
- b. **Внесение нормативного** начала в понимание и реформирование последнего.

Начнем с второго возражения. Из **ассертивной** сферы знания, говорящего только о том, что **есть**, — попытка механически соединить идеи **Конта** и учение **Дарвина** поставило социологию под знаком **нормативных** выводов о том, что **должно**, а перенесенная в практическую жизнь, породило царство деспотии и насилия.

И не случайно, говоря о своем недруге, фон- **Корене** Лаевский упрекает его в деспотизме.

— «Деспотия» — говорит Лаевский в разговоре со своим приятелем — «в науке так же сильна, как на войне».

— «Идеалы его — деспотические... Он хлопочет об улучшении человеческой породы и в этом отношении мы для него рабы, мясо для пушек, вьючные животные....»

— «А что такое человеческая природа? Иллюзия, мираж... Деспоты всегда были иллюзионистами...»

А вот несколько реплик самого этого деспота.

На соблезнование, попутно выраженное по адресу Лаевского, фон- **Корен** замечает:

— «Вот уж кого мне не жаль! Если бы этот милый мужчина тонул, то я бы еще палкой подтолкнул: тони, братец, тони...»

— «Неправда, ты бы этого не сделал!» возражает его друг-добряк и благодушный собеседник.

— «Почему ты думаешь? пожал плечами зоолог: Я так же способен на доброе дело, как и ты...»

Или, в другом контексте:

— «В интересах человечества и в своих собственных интересах такие люди, как Лаевский, должны быть уничтожены».

Или, другая реплика. На заданный прямой вопрос, решился ли бы он, фон- **Корен** лично на уничтожение людей типа Лаевского, ответ зоолога:

— «Рука бы не дрогнула!»

Что эта реплика — не фраза, подтверждается другой, уже после состоявшейся дуэли и контузии Лаевского.

— «У меня было сильное покушение прикончить этого мерзавца!»

Таково соотношение моральных установок двух противников:

Лаевского, который выстрелил на воздух, ибо «даже в минуту сильной ненависти и гнева не смог выстрелить в человека» и фон- **Корена**, который лишь случайно промахнулся.

Таковы две нравственные установки двух соперников: Великодушные в силу душевной мягкости и ненависть во имя силы и «системы».

И воображая этот пистолет, направленный на человека лишь во имя «улучшения человеческой природы», мы невольно думаем об ужасах, творившихся в Германии и оккупированных ею странах: массовых расстрелах или удушениях во имя все того же «улучшения человеческой природы».

Правда, что у самого фон-**Корена** мы не находим признаков этого «расового» разделения людей и наций...

— «Помоги вот этому голодному турку, что лежит под забором! Он работник и нужнее, полезнее твоего Лаевского!»

говорит фон-**Корен** своему приятелю, пришедшему просить займы для своего безвольного и неудачливого друга.

И, однако, где границы, отделяющие ненависть сословную от расовой? Ведь и Рашевич в повести «**В Усадьбе**» ограничивал свои нападки лишь на «низшие сословия», на обладателей так называемой «черной кости»... Но сомнительно, чтобы народы обладающие черной **кожей**, им расценивались выше мнимых обладателей так наз. «черной **кости**».

И не то же ли с фон-**Кореном**. Сегодня им клеймятся апатичные Лаевские, а завтра восприимчивы фон-**Корена** будут клеймить неполноценностью бушменов или абиссинцев, послезавтра — чехов и словаков, а по мере усиления расового бреда будут декларировать неполноценными людьми народ, давший культуре мира гения **Чайковского, Серова, Пушкина и Менделеева!**

Естественно спросить: В чем же причина этого духовного маразма, этого грубейшего и методического извращения науки и основы человеческой морали?

Не касаясь ряда приводящихся поводов, причин и предпосылок аффективного характера (поскольку большинство людей обычно руководится в своих поступках и воззрениях велениями чувства, более, чем разума...) мы отвечаем:

Основная и ближайшая причина есть **невежество** и, в частности, ошибочные ссылки на «авторитеты» и маскирование ими своих собственных незрелых и неверных мыслей и поступков.

Здесь достаточно лишь сопоставить два воззрения на ту же самую проблему — «Применение Подбора к Человеку» — у фон- **Корена** и **Дарвина**.

Фон-Корен:

— «Первобытное человечество было охраняемо от таких, как Лаевский, борьбой за существование и подбором; — Теперь же наша культура значительно ослабила борьбу и подбор».

Нетрудно отыскать первоисточник этой фразы в сочинениях **Дарвина:**

— «У дикарей слабые телом и умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем.»

«Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения: мы строим приюты для слабоумных, калек, больных...»

В этой исходной предпосылке сходятся суждения фон-**Корена** и **Дарвина**.

Совсем не сходятся их выводы.

Послушаем, что говорит фон-**Корен:**

— «Мы должны сами позаботиться об уничтожении хилых и негодных, иначе, когда Лаевские размножатся, цивилизация погибнет, и человечество выродится совершенно. Мы будем виноваты.»

А теперь посмотрим, какой вывод делается **Дарвиным**:

— «Отказывать слабым в сочувствии даже по голосу рассудка, нельзя без унижения благороднейших свойств нашей природы...»

«Но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то сделали бы это лишь в виду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем».

И опять вопрос: В чем же причины этих расхождений выводов у **Дарвина** и у фон-**Корена**?

Мы отвечаем: в недостаточном знакомстве этого последнего с трудами первого и в столь обычном для адептов нового учения стремлении «быть католичнее самого папы».

В истинности первого утверждения нетрудно убедиться, если мы припомним, как по-разному расценивался **Дарвиным** процесс подбора на различных стадиях или ступенях человеческой культуры.

Полностью значение подбора признавалось Дарвиным лишь для **далеких** предков человека (стр.91)

Только здесь, на самых первобытных стадиях культуры и в суровой повседневной жизненной борьбе славились по воззрениям Дарвина не только главные телесные особенности человека, но и основные свойства его нравственных и умственных способностей.

Именно к этому далекому периоду прошлого развития человеческого общества относится категорическое утверждение Дарвина:

— «Не будь он (т.е. человек) подвержен естественному подбору, он наверно не достиг бы никогда высокого достоинства человека» (стр.100)

Но совсем иначе, фактором второстепенного значения, рисуется Подбор для Дарвина там, где он говорит о людях и народностях цивилизованных:

— «Насколько вопрос касается повышения уровня нравственности и увеличения числа способных людей, естественный подбор имеет, по-видимому, у цивилизованных наций мало влияния, не смотря на то, что основные общественные инстинкты были первоначально приобретены этим путем....» (стр.97)

Или, другое место:

— «У народов, высоко цивилизованных, непрерывный прогресс лишь в некоторой степени зависит от естественного подбора, ибо эти нации не вытесняют друг друга подобно племенам дикарей.» (стр.101)

С невыразимой горечью читается эта последняя строка теперь, перед лицом тех массовых и планомерных истреблений, жертвами которых пало население стран, подпавших временно под власть теперешней Германии.

Как явствует из приведенных только что цитат, в трудах самого **Дарвина** мы тщетно стали бы искать подобия тех жестких нормативных выводов и методов, за применение которых ратует так убежденно «дарвинист» фон-**Корен**.

Эти выводы и нормы наш зоолог проповедует всецело за свой личный страх, основываясь на неверном понимании Дарвина, на недостаточном знакомстве с его подлинными взглядами.

Мы переходим ко второму вероятному источнику ошибок нашего зоолога: мы разумеем столь обычное смешение воззрений Дарвина со взглядами его односторонних продолжателей.

Известно, как еще при жизни Дарвина, умевшего (хотя и не всегда, по собственному его признанию) разграничивать влияние внутренних и внешних факторов, сложилась Школа «**Нео-Дарвинистов**» с их односторонним выдвиганием Теории Подбора.

Хорошо известно, как сложившийся в уме фрейбургского зоолога и возглавляемый им «Ультра-Дарвинизм» в такой степени заморозил умы ученых, что по мнению даже выдающихся авторитетов (Рай-Ланкестеры) именно Вейсманну приписывался в свое время ранг ближайшего преемника творца «Происхождения Видов».

Что же удивительно, если в представлении массовых ученых имя **Вейсмана** загрозило имя **Дарвина** и это вопреки большому расхождению обоих по вопросу о пределах приложимости Теории Естественного Подбора.

Но не менее известно, как отбросив начисто принцип Ламаркизма — роль влияния среды и упражнения, — и апеллируя всецело к «Всемогуществу Подбора» — этот «Вейсманнизм» предопределил дальнейшее развитие учения Дарвина на целые полвека: от «Зародышевой Плазмы» Вейсмана к учению Иогансена о «Генотипах» и отсюда к мнимому апофеозу роли и значения гамет — идет прямая торная дорога.

Но сложившиеся на пороге настоящего столетия эти концепции в их положительной и негативной роли, не смогли сказаться на произведениях **Чехова** и всего менее на убеждениях фон-Корена в «**Дуэли**», написанной десятилетием раньше.

В лучшем случае в распоряжении **Чехова**, а этим самым и фон-**Корена** были научные но однобокие суждения Вейсмана и его школы, в худшем — фантастические бредни Гобино, родоначальника антинаучных «расовых», «расистских» лже-теорий.

Что же удивительного, если опираясь о такое скудное биологическое основание фон- **Корен** в роли «дарвиниста-социолога» не избежал грубейших промахов.

Мы разумею всего прежде грубое смешение двух основных слагаемых в развитии любого организма, будь то человека, общества или животной формы: — признаков врожденных и особенностей, вызванных средой, условиями быта.

Не боясь упрека в шарже и гротеске, сказанное поясним примером неакадемического свойства.

Предположим, что проснувшись после многовекового сна (по типу Бэллами или «Поток-Богатыря» Толстого) современник Пушкина или «Онегинской Татьяны» увидел на улицах Москвы, фигуры женщин с очертанием плеч по типу «кубистических» рисунков или тех, которые изображают наши дети в первых их попытках рисовать «головоногих человек».

Что бы мы сказали, если человек при виде этих кубистических фигур, стал бы серьезно горевать о том, что эти аномально вздернутые плечи, передавшись детям, угрожают изуродовать навеки человечество.

А между тем немногим ли разумнее негодование фон- **Корена** по адресу жены Лаевского, когда за пару месяцев до ее свадьбы он, фон-**Корен** в разговоре со своим приятелем, высказывается о ней, Надежде Федоровне, следующим образом:

— «По-моему, самый прямой и верный путь — это насилие. Ману милитари ее следует отправить к мужу, а если муж не примет, то отдать ее в каторжные работы, или в какое-нибудь исправительное заведение».

Такому ригористу, но плохому дарвинисту следует сказать:

Ваши суждения вдвойне ошибочны. Вы спутали, смешали **Дарвина** и **Вейсмана**, Социологию и Биологию.

Значительная часть особенностей организмов возникает от прямого действия среды и не является наследственной.

Значительная доля поведения людей слагается под действием условий воспитания и быта, **более завися от среды, чем от врожденных свойств или задатков.**

Опасаться, что отдельные несимпатичные или дурные проявления в словах и действиях четы Лаевских, передавшись по наследству, создадут угрозу человечеству, столь же разумно и оправдано, как опасаться, что из-за причудливости (выражаясь деликатно) современной моды народятся дети с киноваре-красными губами и кроваво-красными ногтями рук и ног...

Все эти внешние черты и свойства, будь то безответственное отношение к службе и пристрастие к вину и картам — далеко не обязательно основаны на прирожденных слабостях, хотя, конечно, в ряде случаев (как при наследственном алкоголизме...) могут оказаться таковыми.

В отношении же ряда прочих свойств, как «жизнь не по средствам», «малая культурность», леность, слабоволие, болтливость — свойства, так возмущавшие нашего зоолога, можно уверенно сказать, что эти «признаки» не более наследственны, чем подставные плечи или крашенные губы.

— «Я — зоолог, или социолог, что одно и то же...» в этой краткой формуле вся ложь и вредность дарвинистов-социологов.

Неправильна эта позиция «Соц- Дарвинистов» потому, что в ней стирается зияющая пропасть, отделяющая человека от животных в отношении умственном и нравственном.

Вредна она, эта позиция «соц-дарвинистов» тем, что на основе ложных предпосылок призывает к резким и насильственным мероприятиям, неисправимым при возможных промахах или ошибках.

Но как раз такой ошибкой и при том едва не ставшей роковой, являются суждения фон-**Корена** по адресу Лаевского.

Что это так — в этом не трудно убедиться, если к приведенным выше отзывам фон-**Корена** прибавить два других:

— «Лаевский безусловно вреден и так же опасен для общества, как холерная микроба»....

— «Благодетельствовать гг. Лаевским так же умно, по-моему, как поливать сорную траву, или прикармливать саранчу».

Нелепое по существу, это сравнение вскрывает свою полную несостоятельность как раз при свете Дарвинового учения, поскольку никаким подбором и воздействием среды не обратит холерного микроба в благодетельного лейкоцита, саранчу — в пчелу, пырей — в пшеницу.

Саранча, пырей или холерная микроба могут различаться только по степени их вредности: **различия количественного порядка**.

Тот же человек в разную пору жизни, в разные ее мгновения может проявлять в своих поступках самые разительные смены взлетов и падений, подвигов и преступлений: **качественные различия**.

И если, глядя на поля, заросшие пыреем или тучи саранчи, возможно с полной уверенностью говорить об их природной вредоносности, то никакими средствами не разгадать глубины нравственного мира человека, указать, где в нем кончается «влияние среды» и где — врожденные наклонности, где — свойства, умирающие вместе с их носителем, и где — переживающие смерть и тление.

А теперь послушаем, как этот помещенный в ряд с микробой, сорняком и саранчой Лаевский отзывается о ненавидящем его фон-**Корене**.

— «Я ценю его и не отрицаю его значения. На таких как он мир держится...»

«Я — пустой, ничтожный, падший человек... перед ненавистью фон- **Корена** я робко гну спину, потому что временами я сам ненавижу и презираю себя...»

«Я рад, что ясно вижу свои недостатки и сознаю их. Это поможет мне воскреснуть и стать другим человеком».

«Если бы ты знал» — так обращается он к своему другу, — «как страстно, с какой тоской я жажду своего обновления!»

Внимая этой исповеди, можно сомневаться в степени ее серьезности. И все же, что же общего между пыреем или саранчой и этими порывами к добру и правде!

А припомним исповедь Лаевского перед дуэлью!

Эти изумительные строки, продиктованные близостью возможной смерти.

Так ли мы уверены, что только одному Лаевскому пристала эта исповедь?!

— «Истина не нужна была ему и он не искал ее, его совесть, околдованная пороком и ложью, спала или молчала; — он, как чужой, или нанятый с другой планеты не участвовал в общей жизни людей, был равнодушен к их страданиям, идеям, религиям, знаниям, исканиям, борьбе. Он не сказал людям ни одного доброго слова, не написал ни одной полезной, не пошлой строчки...»

— «В родном саду он за всю жизнь не посадил ни одного деревца, и не вырастил ни одной травки, а живя среди живых, не спас ни одной мухи, а только разрушал, губил и лгал...»

— «Он столкнул с неба свою тусклую звезду, она закатилась и след ее смешался с ночной тьмой; — она уже не вернется на небо, потому что жизнь дается только один раз и не повторяется...»

И слыша эту исповедь, мы и на этот раз, быть может, сомневаемся в ее серьезности.

Но еще менее мы склонны разделять воззрения фон- **Корена**, его суждения о Лаевском, как о прирожденном и наследственном преступнике.

И, наконец, эта свершившаяся перемена, это полное перерождение, рожденное той исповедной грозовой ночью и прошедшей мимо и едва лишь не задевшей смерти.

И следя за этим тонким и таинственным метаморфозом, Вы как будто чувствуете, как сквозь негодующие реплики по адресу ленивой и безвольной и скучающей былой интеллигенции Вам слышатся другие ноты и другие песни, — мысли самого Антона Павловича **Чехова**, его неиссякающая вера в человека, вера во всепобеждающую силу правды и добра.

За гордой и самоуверенной фигурой самозванного радетеля о судьбах человечества, фон- **Кореном**, за робким неудачником Лаевским — нам невольно чудится спокойный облик **Чехова** с его глубоким, вдумчивым, проникновенным взглядом на людей и общество.

Перекрывая горькие упреки, брошенные **Чеховым** по адресу нашей былой интеллигенции звучат его другие бодрые слова, исполненные веры в интеллектуальные истоки нации.

И не она ли, эта вера в человека, двигала рукой и сердцем **Чехова** при занесении им в его посмертно найденные записи всепримирающих двух строк:

— «Сила и спасение народа в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать» (Том XXIII, стр.72).

И, однако, эта вера в интеллект и силу разума — только венчающее выражение глубокой веры в человека.

— «В жизни нет ничего дороже людей!» — наивно-убежденно слышится из уст безвестного статистика (в Рассказе «Верочка») и вторя им, этим словам, звучат другие, сродные в других рассказах Чехова или попутно высказанных афоризмах.

— «Веровать в бога не трудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, Вы в человека уверуйте!»

—(Письма. IV. 350).

Эти слова, когда-то вложенные **Чеховым** в уста героя одного из восхитительных его рассказов («Рассказ старшего садовника»), но опущенные лицемерно царскою цензурой — глубоко созвучны основному свойству нашего писателя, — его всепокоряющему гуманизму.

— «Автор должен быть гуманен до кончика ногтей» — читаем мы в одном из писем **Чехова** (том IV, стр.191).

И только в свете этого всепобеждающего гуманизма **Чехова** понятно, как браня одной рукой былую русскую интеллигенцию, холодную, унылую, бесцветную, клеймя ее одной рукой писатель, как поэт- пророк, готов другой рукой благословить ее призывом к бодрому труду и трудовому светлому грядущему.

И в свете этого воззрения **Чехова** на труд и силу разума, на долг писателя, понятно отношение его к двум антиподным персонажам своего рассказа.

Верный основному принципу — быть лишь свидетелем, но не судьей своих героев **Чехов** одинаково сторонится этих обоих выведенных им антиподов.

— «Я презираю лень, как презираю слабость и вялость душевных движений» — пишет **Чехов**, лежа в клинике (Письма, V—31).

— «Нашего нервного века» — замечает **Чехов** — «я не признаю, так как во все века человечество было нервным. Кто боится нервности, тот пусть обратится в осетра или ко-рюшку».

—(Письма, IV, 101)

Это — по адресу Лаевских.

Но не меньше достается и фон-**Коренам**.

— «Не следует унижать людей — это главное. Лучше сказать человеку: „Мой ангел“ чем пустить ему „дурака“ — хотя — как дополняет Чехов — Человек более похож на дурака, чем на ангела.» (Письма, I.—310).

Или другое, характерное признание:

— «У меня физическое отвращение к брани, направленной к кому бы то ни было...» (Письма, IV. 186).

Еще определеннее по адресу фон-**Коренов**:

— «Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными» (Письма, IV—122).

Ни фон-**Корен**, ни **Лаевский** не находят оправдания и защиты у создателя этих обоих образов.

В чем же — так спросим мы — конечная идея этого рассказа и его «ведущая мелодия»?

Для выяснения этого вопроса, обратимся к заключительной главе рассказа, раскрывающей все содержание повести.

Спеша на пароход и покидая городок фон-**Корен**, проходя в сопровождении друзей мимо квартирки, занимаемой Лаевским, увидал его сидящим за работой. Дарвинист-зоолог и евгеник ригорист — сменяется отзывчивым и чутким человеком:

— «Я удивляюсь — тихо говорит зоолог — как он скрутил себя... Его свадьба, эта целодневная работа из-за куска хлеба, какое-то новое выражение на его лице и даже в походке... все это до такой степени необыкновенно, что я не знаю, как назвать это...»

«Ты — передай — так продолжает говорить фон- **Корен** — обращаясь к своему приятелю — чтобы он, т.е. Лаевский, не поминал меня лихом. Он меня знает. Он знает, что если бы я мог тогда предвидеть эту перемену, то я мог бы стать лучшим его другом...»

И созвучно этому признанию знаменательны последние слова фон-**Корена** в сцене прощания и примирения с его бывшим противником:

— «Не поминайте меня лихом... Забыть прошлого, конечно, нельзя, оно слишком грустно, и я не с тем пришел сюда, чтобы извиняться или уверять, что я не виноват.»

«Я действовал искренно и не изменял своих убеждений с тех пор.»

«Правда, как вижу теперь к моей великой радости, я ошибался в отношении Вас, но ведь спотыкаются и на ровной дороге. Такова уже человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частности. Никто не знает настоящей правды.»

В этих умных и простых словах весь смысл повести и ее нравственная сила.

В самобытной и художественной форме **Чехов** показал в своем рассказе безнадежность и бессилие попыток уложить бездонные глубины человеческой души в теоретические штампы и системы.

В этом смысле на примере затерявшейся в безвестном городишке пары лиц — героев разбираемой повести — лишь повторилась старая, как мир, но слишком часто забываемая истина, нашедшая когда-то образное выражение в крылатой фразе мало симпатичного героя Гетевского «Фауста»:

«Сера, мой друг, Теория всегда
А древо Жизни пышно зеленеет!»

Жизнь самого «простого» человека глубже и значительнее самых сложных и обдуманых теорий и способно опрокинуть и смести любую... в этом — первый несомненный позитивный вывод, навеваемый повестью.

«Любовь к „обыкновенным“ людям и упорное стремление найти в любом из них черты достойные и положительные или в крайнем случае — смягчающие негативные, этот высокий гуманизм **Чехова** определил конец рассказа и его развязку в духе Аристотеля.»

Не знаю, как другим, но лично мне, после прочтения разбираемой повести (как и не малого числа других рассказов **Чехова**...) невольно вспоминается другое место **Гетевского** «Фауста»:

«Знай: чистая душа в своем искании смутном
Сознания Истины полна!»

Поддавшись обаянию Чехова, как гуманиста, мы невольно уклонились в сторону от нашей темы: **отражение Дарвинизма в творчестве, в произведениях Чехова**.

И возвращаясь к этой нашей основной задаче, сопоставим двух нами рассмотренных героев, претендующих на знания и звания «дарвинистов».

Болтуна-помещика **Рашевича** (Рассказ «В Усадьбе») и

Ученого-Зоолога фон-**Корена** (рассказ: «Дуэль»)

При всем различии этих обоих типов, можно без труда установить то общее, что связывает их.

Это присущее обоим свойство есть **невежество**.

Мы видели, как скандально провалился, опростоволосился **Рашевич** в рассуждениях своих о **Гете**.

Но не менее превратны рассуждения фон-**Корена** по поводу «перерождения» четы Лаевских.

Вспомним еще раз слова раскаяния фон-**Корена** перед окном Лаевского и сцену примирения с последним.

— «Если бы я мог тогда предвидеть эту перемену, то я мог бы стать лучшим его другом»...

Но, позвольте, хочется сказать нашему кающемуся зоологу: Разве от брака, от венчания Лаевского с Надеждой Федоровной изменились их «наследственные качества»?

Одно из двух: либо черты и свойства, возмущавшие Фон- **Корена** (и справедливо!): нерадение по службе и пристрастие к вину и картам — лишь наносные, навеваны средой и в этом случае нет повода скорбеть о передаче их потомству.

Либо — это свойства — прирожденные пороки и тогда их временное подавление и даже полное изжитие не смогут подавить угрозы их наследственной передачи.

Либо наш зоолог опирался на позиции «евгеников» (пусть ложные!) и в этом случае его былые опасения за наследственные качества четы Лаевских не менялись от «законного их брака» или «персональных исправлений», либо — (что вероятнее!) деление признаков на прирожденные и приобретенные («тради-

тивные») осталось вне внимания фон-Корена, но в этом случае — палить из пистолета по картежникам и пьяницам во имя будущего человечества, не разбираясь в степени наследственности их пороков — есть чистейшее безумие.

Иначе говоря: прощаясь с нравственно переродившейся четой Лаевских наш зоолог, столь обеспокоенный дотоле судьбами культуры человечества и «улучшением человеческой породы» — оставлял этот источник опасений, именно чету Лаевских, столь же грозным или безупречным, как и до их запоздалого венчания.

Но тем самым мы подходим к выводу, который неизбежно вытекает из разбора приведенных двух рассказов.

Этот вывод в свете Дарвинизма можно сформулировать словами величайшего апологета Дарвина, **Томаса Гексли**:

«Всякое утверждение, выходящее за пределы доказуемого является не только промахом, но преступлением».

Счастливая случайность своевременно предотвратила преступление фон-Корена.

Но где гарантии предотвращения их в будущем?

Есть ли уверенность, что при дальнейшей встрече с новыми людьми самоуверенность и ригоризм нашего зоолога не приведут его к подобным же конфликтам только с менее благим исходом?

Эти опасения — увы! вполне реальные, если учесть, что сам фон-Корен, по его словам, «не изменил своих убеждений...» и, прощаясь со своим былым противником, лишь ограничился признанием, что

— «Если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях...»

— «Нет! хочется сказать фон-Корену — Ошиблись Вы не в частностях! Ошибка Ваша коренилась в „главном“.»

Ваши знания «человеческой породы» были слишком слабы даже для своей поры! Вы ошибались в главном и поэтому вы обманулись в частностях!

— «Никто не знает настоящей правды»

Да, конечно. Но тем более уместно и доступно: избегать заведомой Неправды!

А неправда там — где есть несправедливость.

Будем помнить: истинное знание неотделимо от вопросов этики.

И в этом именно аспекте мы готовы подвести **этический** итог разбору двух рассказов **Чехова** и его творчеству на небольшом участке, отражающем идеи величайшего биолога и реформатора науки — **Чарльза Дарвина**.

Этот итог мы сформулируем в простой и давней, но увы! так часто забываемой истине, гласящей:

В области научных знаний всякая несправедливость есть невежество, как и обратно, всякое невежество является несправедливостью.

Аподиктическая истинность этого тезиса объединяет оба чеховских рассказа, позволяя вместе с тем коснуться жгучего вопроса современности.

И в самом деле. Если грубое невежество Рашевича только лишило его будущего зятя, а некомпетентия фон-Корена едва не сделала его убийцей — то невежество в размере государственном масштабе привело к расизму и фашизму бывшую страну «поэтов» и «мыслителей».

И как в безвестной и глухой усадьбе глупые суждения лишь привели к семейной неурядице, так культивация антинаучных бредней о неравенстве народностей и рас в Германии содействовало катастрофе одичавшего народа.

Роковым, кровавым росчерком расизм Гитлера лишь подтвердил доказанное всей историей культуры всех народов и времен, что

Насаждение невежества приводит неизменно к социальному обману а тем самым — к гибели народа .

Но тем современнее звучит одна попутно брошенная реплика в одном из писем **Чехова**:

— «Главное — надо быть справедливым, а остальное все приложится...» (Письма, III, 146).

Это — во-первых. И вторая реплика того же **Чехова**:

— «Надо только по мере сил, исполнять свой долг и больше ничего...» (Письма, V, стр.254)

И в свете этих двух призывов **Чехова** полезно еще раз вернуться к поэтическому образу, которым завершается картина примирения бывших участников **дуэли**.

— «Да, никто не знает настоящей правды...»

думал также про себя Лаевский, глядя в беспокойное темное море и на скрывающийся в нём челнок, навеки уносящий от него его бывшего недруга и ныне завоеванного друга.

— «Лодку бросает назад» — думал Лаевский — делает она два шага вперед и шаг назад, но гребцы упрямо машут неумоимо веслами и не боятся высоких волн.

Лодка идет все вперед и вперед, вот уже ее и не видно, а пройдет с полчаса и гребцы ясно увидят пароходные огни, а через час будут уже у переходного трапа.

Так и в жизни... В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...

И прощаясь на сегодня с **Чеховым** и его светлой Музой, как и с примиренными его героями, нам остается заключить наш бледный очерк, посвященный нашему любимому писателю все той же величавой аналогией и поэтической картиной.

За истекшие **три** года нашей героической победной обороны Родины — страдания и жертвы угрожали столько раз отбросить челны жизни, захлестнуть их в океане крови и потоках слез.

Но подвиги миллионов героических сынов и дочерей нашей великой Родины и зарубежных дружеских союзных стран уверенно и твердо пролагают путь сквозь грохот битвы, гул станков и муки лазаретов.

Величайшие пучины жертв и горя, — но не гребни подвигов — остались позади. Уже виднеются победные огни, а вместе с ними так давно и страстно ожидаемое царство справедливости и правды для измученного человечества.

Будем уверены, что в этих предстоящих нашей Родине боях, как и в бурунах личной жизни каждого из нас упорное искание справедливости и чувство долга приведет народы мира в царство истины и правды.

4.VII.44.